

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 949917

Editor - Director

TATIANA K. DE DUBROWSKY

Brig. Gral. Don J. M. de Rosas 4219, Dpto. 10

1430 Buenos Aires

Argentina

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión N° 4233

Concesión N° 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXVIII

Buenos Aires, martes

2 de Marzo de 1976

Буэнос Айрес, вторник 2 марта 1976 г.

N° 1356-1357

И. АНДРУШКЕВИЧ

ХАРАКТЕР И КОРНИ РУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Существует мнение, что в течение многих веков в России не было политической мысли, а иногда даже утверждается, что не было мысли вообще.

Например, в изданной в 1968 году во Франкфурте книге С. А. Левицкого под названием «Очерки по истории русской философской и политической мысли» в первой фразе на первой странице так и говорится: «О русской мысли в собственном, философско-научном смысле слова всерьез можно говорить лишь начиная с 40-х годов XIX столетия». И дальше: «В древней Руси — как Киевской, так и Московской — мы видим лишь бледные намеки на мысль: Древняя Русь не знала ни богословия, ни философии, ей была чужда стихия отвлеченной ищущей мысли».

Дальше С. А. Левицкий цитирует известного богослова о. Г. Флоровского, который вопрошает: «Что означает это слишком долгое и затяжное молчание? Как объяснить это позднее и запоздалое пробуждение русской мысли?» (Однако, в писаниях о. Г. Флоровского есть и другое место, где он называет процесс сложения славянского языка «не только словесным процессом, но именно сложением мысли... преобразованием самой стихии славянской мысли, славянского логоса, самой души народа»).

С. А. Левицкий цитирует также историка Федотова, который пишет: «В грязном и бедном Париже XIII века гремели битвы схоластиков, а в золотом Киеве, снявшем мозаиками храмов — ничего, кроме иноков, слагавших летописи и патерики». Но что значит «ничего, кроме летописей»? Никакой мысли в летописях не было?

Ведь обитель, в которой писалась летопись «высоко ценила мысль, слово и книгу». 1) Проф. К. И. Зайцев (архимандрит Константин) говорит про летопись: «Широкими горизонтами окружен и глубокой мыслью проникнут этот простосердечный рассказ: судьбы Русской Земли поставлены в связь с историей мира в христианском ее понимании, и осмыслены живым сознанием общеславянским и национально-русским». К русскому единству «звала выработываемая в монастырских кельях национальная мысль, звуча в историко-политических сказаниях, делавшихся достоянием русских людей». 2)

В свою очередь, Ключевский так пишет о нашей «Начальной Летописи»: «Начальная Летопись представляет сначала прерывистый, но чем дальше, тем все более последовательный, рассказ о первых двух с половиной веках нашей истории, и не простой рассказ, а освещенный цельным, тщательно проработанным взглядом составителей на начало нашей истории... Все же важнее идея, которую освещено начало нашей истории, — это идея славянского единства, которая в начале XII века требовала тем больше о напряжении мысли, что совсем не поддерживалась современной действительностью... Замечательно, что в обществе, где сто лет с чем-нибудь назад еще приносились идолам человеческие жертвы, мысль уже научилась подниматься до связи мировых явлений и... Это может служить предметом удивления или недоумения».

Как можно согласовать вышеприведенные противоречивые указания об

истоках русской мысли? Может быть эти противоречия отражают противоречивый характер нашей исторической действительности? Можно найти подобные противоречия и в истории других народов?

Например, если обратиться к истории древнего Рима, то мы видим величественный кладезь политических институций и терминов, из которого человечество черпает и по наши дни. Однако, такой глубокий знаток римской истории как Ортега и Гассет подчеркивает: «нужно иметь в виду, что эти римляне не были неспособны и даже враги всякой теории, и поэтому в Риме никогда не существовала теория народного суверенитета».

Но в то же время «форма римского государства, артикуляция его противоречивых учреждений — единственное явление в истории». Несомненно, что для создания «единственных в истории учреждений» римского государства необходимо предполагать у этих же римлян наличие политической мысли «большого напряжения», несмотря на отсутствие у них «всякой теории».

Очевидно, что тут мы сталкиваемся с разницей между понятиями политической мысли и политической теории. В свою очередь, у Левицкого мы видим в самом заглавии его книги два вида мысли: философской и политической. А в начале текста мы видим перечисление даже трех типов мысли: «Мысли в соб-

ственном, философско-научном смысле слова», просто «мысли», и «отвлеченной ищущей мысли».

Несомненно, что для установления наличия политической мысли на Древней Руси, и, в утвердительном случае, для определения характера этой мысли, сперва необходимо внести ясность в эту терминологию и уточнить возможные виды мысли вообще и политической мысли в частности.

В рамках западноевропейской культуры преобладает стремление понимать под мыслью только лишь мысль рациональную, логическую. Однако существуют и другие виды мысли, например мысль религиозная, мысль мифическо-поэтическая и т. д. Да и вообще сама рациональная и философская мысль получает преобладание всего каких-нибудь 25 веков тому назад. Но даже и после этого, рядом с рациональной мыслью продолжает существовать мысль дорациональная. С другой стороны элементы философской мысли присутствуют уже в древних мифическо-поэтических произведениях (Эпопея Гильгамеша, Илиада, Одиссея, Теогония, Труды и Дни), и они настолько сильны, что некоторые ученые начинают историю философии именно с них. 3)

Исходя из факта наличия разных видов мысли, будет легче преодолеть противоречивые указания о существовании мысли на Древней Руси. Как мы видели, одни авторы подтверждают, а другие отрицают наличие этой мысли. Дело в том, что нужно уточнить о какой мысли идет речь. На Древней Руси может и не было мысли философской, и даже, может, не было в чистой форме мысли богословской (теологической), но несомненно была мысль религиозная, была мысль поэтическая, была мысль историческая, и, примыкая к последней, была мысль политическая.

Но мысль политическая в свою очередь имеет несколько под-видов, разобравшись в которых необходимо прежде, чем говорить о характере и корнях этой мысли на Древней Руси.

У Аристотеля есть интересное место в «Политике», где он перечисляет три типа творцов политических учреждений: это политики, профаны («идиотон») и философы. (Политика, 1266 а, 31, 32). Юлиан Мариас, в предисловии к своему переводу на испанский язык «Политики» Аристотеля 4) дает исчерпывающие комментарии к этому перечислению.

Хронологически, на первом месте идут политики (создатели «политей»), обладающие «первой формой политической мысли», мысли «технической». За ней появляется вторая форма, «типично рационалистическая... действующая в пустоте, без соприкосновения с политической действительностью». Аристотель подробно и не без иронии описывает «первого, кто не будучи политиком, попытался говорить о лучшем режиме»: «Ипподам, выдумавший разбивку городов и начертавший планы Пирея, не удовлетворенный своей большой оригинальностью... со своими длинными волосами и богатыми украшениями... для того, чтобы отличаться, был первым кто не будучи политиком попытался говорить о лучшем режиме». С него начинается, как говорит Мариас, «самая видная и тучная часть политической мысли» греков. Но эта часть, добавляет Мариас, олицетворяет кризис: «Перед гла-

П. СОКОЛОВ

ОТРЕЧЕНИЕ

Это вовсе не обязательно, чтобы революция шла непременно под красным флагом, — она может шествовать и под двуглавым орлом. Это и произошло 9 января 1905 года. Человеческую душу революция съедает при любом цвете.

Монархисты-догматики рассуждают так: — «Николай II дал всенародную клятву при миропомазании стоять за Россию до смерти, до гробовой доски; поэтому не имел права отречься от престола. Отрекшись, он поверг Россию в пучину неизмеримых бедствий. Это — логика, так говорит простой рассудок». А что было бы, если бы он не отрекся? Вы знаете?

Эти законники не понимают, что для решения таких вопросов одного тощего рассудка мало, надо еще что-то, выше рассудка: разум, чувство, совесть, милость, прозрение, — ч е л о в е ч н о с т ь. И каждый человек должен решить для себя этот основной и судьбоносный вопрос: Россия предала Царя или Царь — Россию? Ответ на этот вопрос решает не только судьбу России, но и каждого человека в отдельности; он покажет, кто ты: сознательное ли, нравственное существо человеческого достоинства — или только холодный рассудок, ходячая догма. Живое ли, чувствующее и мыслящее создание — или бездумная масса. Это и определит твою судьбу.

Холодно-рассудочные люди будто бы не замечают, в каком положении оказался Государь: всеми преданный, отрезанный от мира, обманутый, с семьей, находящейся во вражеских руках, с длинным рядом лет неравной борьбы с мировым фантомом — революцией за плечами, с мятушейся от края до края Россией. Будто бы не замечают, что Россия, в лице ее «лучших людей», думских представителей, армейского командования, общественных и политических организаций, прессы, купечества, адвокатуры, научных кругов и даже Церкви, — эта Россия неистово вопила: — «Уходи! Мы не хотим Тебя больше!» — и тем уже снимала с него всякую ответственность по присяге, данной во имя России. Он даже и отрекся во благо России, как уверяли его люди со всех сторон. Наверно ни один человек в мировой истории не подвергался такому нажиму.

И вот, я говорю догматикам: — «Бог вам судья и русский народ». — Они сразу отвечают: — «А мы — не народ, что ли?».

Вот и открылась подоплека: МЫ, Я, — это и есть народ, могущий судить даже и Государя. Сейчас — за отречение, до отречения — за власть. А на деле ты — никакой не народ, а только некий Иван Иванович. До революции Иван Иванович вздымал красный флаг и орал: — «Долой самодержавие!» — Сейчас он крестится в церкви, но пишет: — «Это не Россия отрелась от Романовых, а два брата, Николай и Михаил, навсегда отрелись от России за всех Романовых...»

Императрица Александра Федоровна пишет из заточения: — «С покорностью, без ропота все переносят, Его касающееся, но как за Россию страдает, за Армию, — это Вы сами понимаете...» —

И еще: — «Как тяжело читать газеты... Где мы? Куда дошли?.. Как сильно внутри страдает, видя разруху. Это никто не видит. Разве будет другим показывать, что внутри делается; ведь страшно свою родину любить, как же не болеть душой, видя, что творится... А Армия... плачешь, не могу читать, бросаю все... Не для себя мы живем, а для других, для родины, (так это понимали). Больше, чем он делал, невозможно. Но раз сказали, для общего блага...» —

Будет время: поставится невиданный в мире храм в урочище Четырех Братьев, и потекут к нему люди со всех концов России. Невиданный не по объему, не по высоте или необъятной статуе наверху; даже не по красоте и великолепию; невиданный по тому горению души и бесконечной печали, которые освятят это место, ставшее сердцем и центром Руси. Это и будет приговором народа.

П. СОКОЛОВ

зами грека, в место традиционной действительности, находящейся в силе... распространяется широкая теория как существующих так и фиктивных режимов, спорящих о первенстве, между которыми можно выбрать. Но это не значит, что политическое общество в кризисе, потому что общество и государство как раз не выбираются, а являются тем, что присутствует и с чем мы должны считаться». В результате создается положение, говорит Марнас, описанное Платоном в Седьмом Письме: уже не находясь в силе обычаи и этика предков, все идет вниз по течению, появляется ощущение головокружения, неизвестно что делать, потому что жизнь становится невозможной. И в поисках выхода из этого плюралистического лабиринта суемыслий, появляется третья форма политической мысли, мысли ищущей правду, «для того, чтобы восстановить систему верований, действующих в обществе, которая бы сделала возможным сожителство в городах».

Итак, творцами первой формы политической мысли являются политики, так как «первым источником политической мысли... является сама политическая деятельность». Итальянский христианский мыслитель Микеле Федерико Шьякка говорит: «Хорошая политика всегда сопровождается пронизательностью, которая применяется в практической жизни, но относится главным образом к интеллекту».

В свою очередь, творцами второй формы политической мысли, мысли «отвлеченной» или «действующей в пустоте», являются «профаны» или «идиоты», как говорит Аристотель. Эту беспочвенную форму мысли можно назвать «суемыслием», по аналогии с «суеверием».

И, наконец, творцами третьей формы политической мысли, мысли отсеивающей, выбирающей («интеллигент» значит «выбирать между») только правду, мысли точной по отношению к действительности, являются мыслители, философы. Только эту форму можно считать мыслью в «философско-научном смысле слова».

Если первая форма (практическая мысль) вытекает из практического творчества, при помощи «пронизательного ума», то другие две формы политической мысли являются формами «созерцающими», т. е. «теориями». Только вторая форма (суемыслие) созерцает главным образом фиктивные и утопические режимы, в «пустоте, без соприкосновения с политической действительностью». А третья форма (точная мысль) тоже созерцает, но без отрыва от действительности, и разбирается в ворохе суемыслий, для «нахождения возможности сожителства» на реальной почве путем восстановления «системы верований». Вот в этом смысле и говорит Ортега, что у римлян не было «теории», т. е. второй и третьей формы политической мысли, а была только лишь первая форма. Можно даже высказать предположение, что третья форма мысли в основном появляется лишь после возникновения второй, т. е., что политические мыслители становятся нужными лишь после появления идиотов в политике. (За идиотами в политике часто скрываются политические негодяи).

На Древней Руси преобладала первая форма политической мысли, которая имела главным образом практический характер, обуславливаемый исторической действительностью. Корни первоначальной русской политической мысли уходят в родную историческую почву, а сама эта мысль по своему характеру исторична и пытается разрешить конкретные исторические, а не отвлеченные проблемы.

Первая задача для всякой политической мысли — это создание, основание самого государства. Государство по своей природе имеет над-родовой и над-племенной характер. И род и племя даны, в то время как на-род и представляющее его государство заданы. Поэтому государство — предприятие. Первый предпринятый шаг для основания государства свидетельствует о предыдущей о том мысли. Первой русской политической мыслью была мысль о необходимости государственной власти, над-родовой и над-племенной.

Эта мысль одновременно определяла

характер и миссию выбираемой власти. Власть призывается извне самой среды основателей, т. е. она должна стоять вне внутриобщественных интересов, для того, чтобы быть легитимной. Она также должна быть нейтральной в возникающих в обществе несогласиях и расхождении. Все это дает возможность и право власти «судить по праву», для того, чтобы обеспечить порядок («наряд» говорит летопись) в обществе.

Итак, в начале нашего государства лежит стремление к праву (не к «правам») и к порядку. Какая программа!

Исследуя истоки русской политической мысли, необходимо не упустить из виду, что скачки в истории являются кажущимися. В действительности, для того, чтобы произошел скачек, необходима предварительное развитие и подготовка, хотя бы подспудно. Поэтому первые проявления русской политической мысли хотя и явились историческим скачком, но корнями своими уходят в до-историческое, в до-русское и даже в до-славянское прошлое. Представления о создаваемом политическом строе основываются на общих представлениях о мире и о человеческой жизни. Ортега говорит, что самое главное в государстве, это «верование в то, кто должен править». Но это верование, в свою очередь, вытекает из «верований» еще более коренных, о том, что такое жизнь человеческая и что такое мировая действительность».

Акт «привзвания князей» врывается резко в нашу историю оставляет в тени много других существенных моментов. С формальной точки зрения это был именно суверенный акт (действие активное, а не пассивное): «реша сами в себе». Но по существу это был акт призвания на уже имеющуюся основу. Эта основа была не только славянской, но частично и обще-индоевропейской: стремление к двувластию «старших и младших», «герусии и ефоров», «сената и народа»; организация на начале численном, по десяткам, сотням (центуриям) и тысячам (милям, отсюда милиция); политическое согласование путем ступенчатого голосования по территориальным частям (по улицам, по концам, по три-бам, т. е. по «трем частям»); служебное предводительство (преторство) тех, кто способен на это, тех, кто это мог уметь делать (МАГистратов, КОНунгов, КНЯзей)».

Да и сам термин «порядок» имеет общее индоевропейское происхождение. Государство основывают мужи (viri), они его со-бирают, они дают ему силу, но идею порядка дают жены. Порядок, наряд, Ordo, Order, Ordre, Ordnung, Orden, происходит от латинского urdīre (навивать основу), то есть класть по рядам нити, которые до этого прядут.

Общность корней политической мысли у славян подтверждается общностью многих политических институций. Например, у южных славян тоже было вече. В Которе, на Адриатическом море, было малое и великое вече, даже с колоколом, как и в Новгороде было вече и господский совет. «Вече (от вещать-говорить, — одного корня с советом и с парламентом) есть место, где говорят, где раздаются советы, где обмениваются мнениями, где в процессе разговоров слагается общее решение — принципиально единогласное, всех примирившее, ибо беспрекословно принятое умолкнувшим меньшинством».

Само право, в согласии с которым должны были судить призванные князья, существовало до этого призвания, и в основных контурах было общеславянским. Можно говорить о «наличии каких-то общих тенденций в области осмысления процессов, происходивших на рассвете государственной жизни как у восточных так и у западных славян». Не только право, но и многие политические традиции до-Рюриковской Руси бережно передавались из поколения в поколение, как об этом свидетельствуют киевские легенды и предания новгородного рода Яна Вышатича, этого ценного информатора наших первых летописцев. В частности, киевские легенды «показывали наличие определенной политической организации на Руси задолго до первого появления здесь норманнов-викингов». «Итак, не в середине IX века, с приходом норманнов, начинается история древнерусского государства, а по меньшей мере на 4-5 веков раньше».

С Рюрика начинается выполнение первой политической задачи: «Собирания людей и земли русской». Вещий Олег собирает в одно государство север и юг, Новгород и Киев, и распространя-

ет на это государство общую власть. Скоро все земли русские признают легитимность власти рода Рюрика, легитимность, которая не была ни разу поставлена под сомнение в течение семи с половиной веков (от Рюрика и до смерти царевича Димитрия). Это и было ЕДИННАЧАЛИЕ В СОБОРНОСТИ.

Очень скоро политическая мысль молодого русского государства обращается на разрешение вопроса о религиозном, культурном и политическом сожителстве с другими народами. Новая страна ищет свое место в истории и во вселенной. Выбор этого места, т. е. выбор веры, является наивысшим актом русской политической мысли. «Выбор» есть типичный акт мысли, ибо «интеллигент» и есть «выбирать между». Летопись особенно подчеркивает этот характер выбора: выбор происходит два раза, пассивно и активно, у себя дома и за границей. Причем, особенно подчеркивается самостоятельность этого выбора, вплоть до применения вооруженной силы. «Государственная мысль видна с первых шагов Владимира: его призвание — не захватывать, а строить».

Первая форма политической мысли и есть государственная мысль. Выбор Русью своей веры привел к полному соглашению ее политической сознания с ее нравственным мироощущением. Все стало ясно, все стало на свое место. Ф. М. Достоевский говорит: «При начале всякого народа, всякой национальности, идея нравственная всегда предшествовала зарождению национальности, ибо она же и создавала ее. Исходила же эта нравственная идея всегда из идей мистических, из убеждений, что человек вечен, что он не простое земное животное, а связан с другими мирами и с вечностью».

Но наша политическая мысль не остановилась на акте выбора своего места в мире: она с самого начала уточнила это место и оградила его от чужих посягательств. Уже первый киевский митрополит из русских, Илларион, говорит в своем «Слове о законе и благодати» (около 1040 г.) о самобытности русской земли, «яже ведома и слышима есть всеми концы земля». Эту же мысль упорно проводит и летопись. Слово Митрополита Иллариона можно считать первым письменным свидетельством русской политической мысли. Оно стало «на целые столетия образцом для подражания в православном мире. — на Руси и за ее пределами. Нет двух мнений в оценке этого произведения и со стороны научной критики. Строгий Голубинский ставит митрополита Иллариона выше современных ему византийских проповедников и видит в нем «настоящего оратора времен процветания греческого ораторства». Греков, отмечая красоту и строгость построения «Слова» Иллариона и его замечательную «философию», считает возможным привести из него... большой отрывок в собственном переводе... у Н. К. Гудзия мы читаем, что «...он является блестящим показателем той высоты литературного мастерства, какого достигла Русь в пору раннего расцвета ее культуры, при Ярославе Мудром». Идея САМОБЫТНОСТИ ВО ВСЕЛЕНКОСТИ, проводимая в «Слове» Митрополита Иллариона, и есть «золотой путь» нашей политической мысли.

Со временем княжения сына Св. Владимира, Ярослава Мудрого, связан не только расцвет мысли на Руси, но и расцвет чисто юридического творчества. «Вводились церковные законы, которые развивали в народе юридические понятия и распространяли во всех русских краях одинаковые воззрения на святость права». (Костомаров). Наряду с зачатками летописи, основанием школ и библиотек, кладется начало правовому уложению, в виде Русской Правды. Идея СПРАВЕДЛИВОСТИ В ПРАВДЕ — тоже достижение нашей политической мысли.

Владимир Мономах, внук Ярослава Мудрого, и словом и делом пытается разрешить новые политические проблемы, вставшие перед Русью. Вся его жизнь посвящена преодолению разрастающегося междуусобия и отклонению угрозы со стороны кочевников. Он созывает общерусские съезды городских властей (Любечь, 1097 г.) и терпеливо объединяет силы для борьбы со степью. Его политическая мысль фиксируется в его Завещании своим сыновьям, этом единственном по своей нравственной силе политическом документе. Завещание Владимира Мономаха особенно важно идеей, что политика должна основываться на нравст-

венности. В связи с этим, интересно отметить, что московские цари вводили истоки своей власти от Владимира Мономаха, чьи Шапка и Бармы символизировали эту власть. Он же является связующим звеном с римско-византийской государственностью.

Политическая мысль междуусобного периода нашей истории сохраняется также в «Слове о полку Игореве», драматически призывающим к русскому единству.

Нашествие татар не прерывает нашей политической традиции сохранения самобытности и стремления к единству.

Св. Александр Невский (пра-правнук Владимира Мономаха) выбирает для нашего народа единственно возможный исторический путь: ни физическое самоубийство в невозможном сопротивлении далеко преобладающей силе татар, ни духовное самоубийство в безоговорочном принятии или татарских или западных латинско-германских, основ. Этот выбор о самого трудного (даже лично), но единственно верного исторического пути является величайшим примером нашей политической мысли. Св. Александр Невский спас Россию, и справа и слева, от самоубийства. Исходя из этого примера, даже можно предложить такой вариант определения политической мысли: это такая мысль, которая сохраняет свой народ от самоубийства и дает ему возможность дальнейшей исторической жизни. (Известный историк Тойнби высказывает предположение, что народы никогда не гибнут от внешней силы, но от внутренних причин. Другими словами, народы невозможно убить, если они сами не пойдут на самоубийство).

Московские князья, потомки Даниила, младшего сына Св. Александра Невского, продолжают традицию русской политической мысли, зовущей к сохранению нашей самобытности и к достижению единства русской земли. Собственным вкладом Московских князей в сокровищницу нашей политической мысли является идея государства, как хозяйства. Интересно, что сам термин «государство» происходит от «господарства». Развитие этой идеи приводит к представлению о носителе высшей власти, как о «Хозяине Земли Русской». Мысль о государстве, как о хозяйстве, состоящем в свою очередь из хозяйства еще требует своего развития, и даже может явиться одним из выходов из современной антиномии капитализма-социализма.

Мысль о весьма важной миссии России (миссия не «мессианство») выражается в идее Москвы как Третьего Рима. Фактически эта идея и является продолжением идеи собственного места Руси во вселенной, идеи, развиваемой еще со времен митрополита Иллариона и первых летописцев.

Первый московский царь, Иван Грозный, обогащает русскую политическую мысль созданием первого общего все-русского народного представительства: Земского Собора. Раньше существовали по городам вече, но объединение русских земель в одно большое государство требовало новых форм. Земский Собор и уже раньше существовавшая Боярская Дума стали таким образом основными учреждениями нашего политического строя. (Интересно само слово «Дума», говорящее о значении мысли в государственных делах). Земский Собор стал нашим важнейшим политическим органом, не только законодательным, но и учредительным, даже призванным восстановить царскую власть на Руси после обрыва московской династии Рюриковичей. Причем этот орган не постоянный, а созываемый по нужде, даже без особенных для этого формальностей (Земский Собор 1613 г. был созван даже властью «де факто»). Так что, чисто юридически, Земский Собор может быть создан и в будущем, при условии соблюдения самого принципа «земкости», т. е. территориального прямого представительства от всей земли, вместо косвенного партийного представительства.

Значение Ивана Грозного еще заключается в том, что он был у нас первым теоретиком монархической власти.

Однако, как раз в московский период начинает развиваться кризис мысли о самобытности во вселенности, из-за необходимости во что бы то ни стало сохранить самобытность, даже в ущерб вселенности. Да и практически, вселенности был нанесен сильный удар изоляцией Руси от остального мира татарами и западными соседями. Мало обращается внимания на политику изоляции России, которую проводил, например, Ливонский Орден, в союзе с другими ка-

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

548. СОВЕТСКОЕ ПРОНИКНОВЕНИЕ В АФРИКУ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. — НАКАНУНЕ XXV-го ПАРТИЙНОГО СЪЕЗДА. — МАРШЕ И ПЛЮЩ. — КАК БРЕЖНЕВ УКРАЛ ЗОЛОТЫЕ ЧАСЫ У АМЕРИКАНСКОГО ДИПЛОМАТА. — МЯТЕЖ НА СОВЕТСКОМ ИСТРЕБИТЕЛЕ ПОДВОДНЫХ СУДОВ. — СОВРЕМЕННЫЙ ЭКИБАСТУЗ. — КОНЧИНА МИТРОПОЛИТА ИОСИФА АЛМА-АТИНСКОГО

После капитуляции американского конгресса, запретившего Форду оказывать какое-либо сопротивление советско-кубинским вооруженным силам в Анголе, почти закончено завоевание ими всей страны.

На Севере разбиты силы, поддерживаемые Южно-Африканским Союзом. Для северного фронта пытались набрать «добровольцев» в Великобританию, соблазняя их большим окладом. Но когда они встретились, вооруженные автоматами, с советскими танками, то обратились в бегство. 14 из них заявили, что требуют возвращения в Англию и были своим же английским командиром расстреляны. 38 других тяжело раненных отправлены самолетом в Лондон, где одних вынесли на носилках, а другие на костылях отправились в отведенную им казарму, где полиция будет их допрашивать, как были расстреляны 14 британских граждан, отказавшихся воевать после первого поражения.

Любопытно, что антисоветские источники филоамериканского правительства, поддерживаемого Южно-Африканским Союзом открыто обвиняют СССР в планах постепенного завоевания всей Африки. Начало этому кладет советизация Анголы, которая всецело в руках победоносной армии 14-ти тысяч кубанцев, поддержанных советскими танками, дальнебойной артиллерией, вертолетами и инструментами. Кроме того правительство СССР уже издержало 100 миллионов американских долларов на подкуп пяти африканских правительств за признание филоамериканского правительства Анголы. Но интереснее всего, что при попустительстве амери-

скими соседями. Эта политика изоляции была постоянной, начиная от времен Св. Александра Невского, и находилась в полной силе еще во времена Ивана Грозного.

Эта изоляция и ее последствия являются и по наши дни тяжелым наследством, тяготеющим над нашей судьбой. В свою очередь, две чисто рациональные попытки преодолеть резко эту изоляцию, без учета социальной действительности (Патриарха Никона в Церкви и Петра Великого в государстве) нарушили равновесие и гармонию в русском обществе, и, в конечном итоге, привели оба раза к его расколу. В связи с этим, можно утверждать, что наша политическая мысль не сумела преодолеть возникшие расколы и разрешить благополучно проблему восстановления вселенности, но без ущерба самобытности. Другими словами, не было достигнуто политического синтеза, в то время как был достигнут синтез в области культуры и языка. Нам не хватило Пушкина в политике.

В щели возникших расколов начали проникать к нам чужие суемыслия, затем вызвавшие зарождение и собственных. Так появилась у нас вторая форма политической мысли, постепенно оттеснившая первую форму, что явилось сильной нагрузкой для мысли вообще, ибо теперь необходимо разбираться не только в реальных политических проблемах, но и в ворохе идеологических надстроек.

К сожалению и по наши дни третья форма мысли (точная и почвенная) еще не взяла верх над нашими политическими суемыслиями. В этом и заключается наша трагедия.

Предпосылкой для дальнейшего развития русской политической мысли является осмысление положения, в котором находится сама эта мысль, во всех ее видах. Это осмысление создаст в свою очередь обстановку для творчества в области чистой политической мысли, творчества, необходимого для выхода из наших тупиков. Задача эта похожа на расчищение Аргивых конюшен, на этот раз от идеологического навоза, которым забрасали (и в будущем тоже собираются забрасывать) нашу родину.

К счастью, страна наша не иссякла Геркулесами и в области политической

канского сената, отказавшего в кредитах на поддержку антисоветских правительств и снабжение их оружием в достаточном количестве и одинаковой мощности с советским, в Африке полагают, что успех советизации Анголы может внушить советскому правительству мысль о постепенной советизации других самостоятельных африканских республик.

Правда надо помнить, что советская история полна примеров того, как, используя советскую помощь против Запада, окрепшие правительства новых государств могут расправиться с советскими и своими коммунистами и перейти в антисоветский лагерь. Вспомним Турцию Кемала Атаюрка, Китай Чан-Кай-Шека, Египет Садата, Судан. Еще неизвестно, не перекинется ли Вьетнам после своего объединения в пекинский лагерь и не пойдет ли на соглашение со щедрыми, (когда это не грозит новой войной), американскими промышленниками и банкирами.

Ход подготовки к XXV-му съезду партии проходил в обстановке раболопного послушания правящему аппарату на местах. Сначала состоялись областные конференции по областным центрам и столицам автономных республик, где первый секретарь делал лживый доклад, умалчивая о неурожае, (вызывающем местами перебои в снабжении населения хлебом, молочными и мясными продуктами), и о невыполнении плана производства многими промышленными предприятиями.

Потом выступают подобранные ораторы карьеристы и клянутся в верности выбранному в «почетный президиум»

мысли. В наши дни, наш соотечественник И. Р. Шафаревич научно расправился с самым нахальным из политических суемыслий, указав, что социализм — это современный путь к самоуничтожению. Дай Бог, чтобы это было началом возрождения нашей политической мысли, в согласии с ее вековыми традициями.

И. АНДРУШКЕВИЧ

1) Н. Натанов, Путешествие в страну летописей, Москва 1965, стр. 85.

2) Проф. К. И. Зайцев (Архимандрит Константин), Киевская Русь, Шанхай 1949, стр. 6, 189. (Здесь и всюду дальше подчеркнута мною. И. А.).

3) Например, Drew A. Nyland, The Origins of Philosophy, Its Rise in Myth and the Pre-Socratics, N. Y. 1973. Там же цитируется выражение «мифическо-политические формы мысли». (C. S. Kirk, J. E. Raven, The Pre-Socratic Philosophers Cambridge, 1960). В свою очередь, Ортега говорит о «других прошлых формах мысли... как мысль религиозная, мифология, магия, мудрость или жизненный опыт». Но первая форма мысли — указывать Ортега — это молитва: «Молиться — это форма и техника мысли». (José Ortega y Gasset, Apuntes sobre el pensamiento. Madrid 1966, стр. 32, 33). Поэтому слова Федорова «ничего кроме иноков» ни в коем случае не указывает на отсутствие мысли. Митрополит Анастасий говорит: «Постоянное самоуглубление изощряет душевные способности инока; молитва очищает и проясняет его мысли, приводит в гармонию его разум, чувства и волю...». (Сборник избранных сочинений Высокопреосвященнейшего Митрополита Анастасия, Джорданвилль, 1948, стр. 349).

4) Aristoteles, Politica, Madrid 1970. Introduccion de Julián Marías.

5) Митрополит Анастасий указывает на общность корня «властвовать» в индоевропейских языках: «лат. potestas, француз. puissance, англ. power, а также немецкое König — значит мочь». (Там же, стр. 282).

6) Проф. К. И. Зайцев, там же, стр. 209.

7) М. Ю. Брайчевский, Когда и как возник Киев, Киев 1964, стр. 93.

8) Там же, стр. 152.

9) Проф. К. И. Зайцев, там же, стр. 72.

10) Там же, стр. 178.

конференции политбюро и лично товарищу Брежневу, а на второй день принимается казенная резолюция, докладчик снова переизбирается диктаторствовать в своей области или автономной республике и все остается по старому. Народ «безмолствует», а бюрократия довольна. Внимательно следя за ходом этих конференций только на одной не указано, кто делал доклад, но сказано, что первым секретарем в городе Черкасах избран второй секретарь ЦК компартии Украины И. К. Лутак (для которого перевод из столичного Киева в Черкасы является понижением), а куда делся его предшественник в Черкасах А. Н. Андреев — не сказано!

Поэтому я не жду сюрпризов от съезда.

За всю историю партии у власти сюрпризы дали следующие съезды:

1. X-ый съезд в марте 1921 года, когда были запрещены всякие оппозиционные группировки и осуждены Коллонтай, Шляпников и Медведев, отец братьев Роя и Жореса.

2. XIV-ый съезд в декабре 1925 года, на котором неожиданно выступил Зиновьев против Сталина и потерпел поражение.

3. XV-ый съезд в декабре 1927 года, на котором Сталин разбил «правую оппозицию» Рыкова и Бухарина.

4. XX-ый съезд в марте 1956 года, на котором после антисталинского выступления Микояна последовал при закрытых дверях доклад Хрущева «о культуре личности».

Все же остальные перевороты (устранение Берии или Маленкова, либо свержение Хрущева) происходили на пленумах ЦК и следующему за ним съезду оставалось только приветствовать новых временщиков. Поэтому мне представляется по ходу подготовки съезда, что на нем переизберут ЦК и стоящих сейчас у власти местных сатрапов, которые переизберут политбюро и секретариат в прежнем составе. Ведь о неудачах политбюро вне СССР ничего не знают.

Только что закончился съезд французской компартии, на котором в присутствии прибывшего главы делегации КПСС А. П. Кириленко (сильно постаревшего за этот год) лидер французской компартии Марше заявил, что каждая партия своим путем в обстановке своей страны идет к коммунизму и что он предлагает отказаться от ленинского лозунга «диктатуры пролетариата», который сейчас устарел и для Франции не подходит больше. Чтоб позолотить поднесенную Кириленке и сопроводившему его Б. Н. Пономареву пиллюлю, он добавил, что узы дружбы и солидарности между партией и КПСС гораздо крепче и значительнее этих разногласий и он не сомневается, что обе партии будут идти к общей цели каждой своим путем. «Правда» и другие органы советской печати выпустили в изложении доклада Марше все места, где он говорит о разногласиях с КПСС. Напомним, что Марше требовал выпуска из Днепропетровской психушки Леонида Плюща и это требование было исполнено Брежневым. Теперь Плющ выступает в качестве «коммуниста ленинца», обвиняя Брежнева и его предшественников Сталина и Хрущева в искажении всей доктрины Ленина и в режидении компартии. «Литературная Газета» от 11-го февраля после неоднократных выступлений Плюща в Париже с описанием ужасов психушки впервые поместила о нем статью, в которой говорится, что он выступал против советского правительства и был за это предан суду, но когда выяснилось, что он душевнобольной, то его вместо тюрьмы направили на лечение в психиатрическую больницу, где бесплатно содержали и вылечили, после чего отпустили на столь ему желанный Запад. По прибытии в Париж, его пришлось снова поместить в психиатрическую клинику на некоторое время. Теперь он вышел и выступает с лживыми описаниями методов лечения, которые его вылечили настолько, что он смог вынести путешествие от Днепропетровска до Парижа. Теперь пусть с ним возьмется его новые друзья, которым придется его снова посадить в психиатрическую клинику, как только состояние не позволит больше его держать на свободе. Вот как представляется историю выезда Плюща, которого вылечили силами советской психушки, советская печать.

Кстати, «Литературная Газета» из ежедневного органа союза советских писателей превратилась в еженедельное издание газетного формата.

Американский еженедельник «Тайм» передает любопытный инцидент во время беседы Брежнева и Громыко с Киссинджером и его советником Хельмутом Зонненфельдом. Заметив на руке последнего хорошие золотые часы марки «Омега», Брежнев попросил дать ему их посмотреть. Часы настолько понравились, что он предложил Зонненфельду с ним поменяться и вынул из жилетного кармана дешевые советские часы, говоря, что это будет для американского дипломата приятная память о пребывании в Москве и знакомстве с Брежневым. Желая спасти часы, Зонненфельд сказал, что эти часы подарок, который он получил от тещи, когда женился на ее дочери, и теще будет неприятно, если увидит, что он перестал их носить. Тогда Брежнев достал другие часы, получше, шведской марки «Этермат» и стал уговаривать дипломата согласиться на обмен, уверяя, что это очень хорошие шведские часы и, конечно теща будет рада узнать, что ее зять носит теперь часы Брежнева, которых не получил ни один из американских дипломатов.

Зонненфельд должен был согласиться.

Не то, чтобы утешить обокраденного дипломата, не то желая над ним еще подшутить, Брежнев сказал ему, улыбаясь через переводчика: «Знаете, я еще может быть, возвращу вам ваши часы, когда США и СССР заключат окончательное соглашение о разоружении, которое мы во Владивостоке с вашим президентом обещали друг другу заключить и выполнить!»

Этот хамский поступок показывает, что после десяти лет диктатуры Брежнев недалеко ушел по воспитанию от своего предшественника Хрущева, который стучал снятым ботинком по столу на заседании Генеральной Ассамблеи Объединенных Наций.

Теперь уж американские дипломаты больше не будут одевать на себя ценных часов, брелоков или колец, отправляясь на переговоры с советским вороватым диктатором!

30 го января шведская печать сообщила о мятеже на советском военном судне, который вспыхнул 9-го ноября в Балтийском море недалеко от шведских берегов.

Небольшое судно — истребитель подводных судов типа «Котлин» в 300 тонн водоизмещения номер 628 (суда этого типа не имеют названия, а только номера) вышло из Риги в открытое море после участия в морском смотре в день 7-го ноября, имея на борту 6 офицеров и 42 матроса. Судно, согласно приказу, направлялось в Ленинград и взяло курс на север, идя с быстротой 22 узла в час. Минувал остров Дагге у входа в Финский залив, судно вместо направления на восток взяло курс на запад, явно направляясь в сторону Швеции. Во главе мятежников был полполит (помощник командира по политической части), к которому присоединились 20 моряков, то есть половина экипажа при нейтральном поведении других. Но командир успел дать знать о мятеже командованию балтийского Флота.

Немедленно были посланы вертолеты, с которых судно предложено было взять курс на Ленинград. Приказ не был выполнен и судно полным ходом направлялось в Швецию.

Тогда на бреющем полете вертолеты открыли огонь по палубе из пулеметов. Мятежники ответили огнем из винтовок, но не могли попасть в пролетавшие вертолеты, которые возвращались, продолжая огонь...

Мятежники надели спасательные пояса и с буйками бросились в море. Другие спустили шлюпку. Оставшаяся часть команды повернула на восток и направилась к Кронштадту.

По прибытии все офицеры и матросы были арестованы и отправлены в морскую тюрьму, где началось следствие, о результате которого ничего неизвестно. Попытаются установить, почему не пригнувшие к мятежникам офицеры и матросы не оказали им сопротивления и позволили переменить курс.

Шведские власти молчат о том, удалось ли кому из мятежников добраться до Швеции и были ли посланы им навстречу спасательные суда. Это молчание объясняется тем, что Швеция боится, что СССР потребует выдачи спасшихся, обвиняя их не в политическом мятеже, а в уголовном преступлении, носящем характер пиратства в открытом море. Отвечая, что ничего не знают об этом мятеже, шведские власти избегают политических осложнений. Но тот факт, что

П. ПАНИН

РЕВОЛЮЦИЯ

III

Революция есть стихия всеобщего разрушения; но прежде всего прочего она разрушает душу человека. В своем диком, революционном стремлении обособиться, самостийники дошли до абсурда: нашлись такие украинцы, которые заявили вместе с врагами Христа, что христианство умерло, и объявили поход за возвращение к древней языческой вере в Дажбога. «Мы, русичи, внуки Дажбога, своевременно оповещаем Свет, что Украинская Духовная Революция, о которой сотни лет мечтали прекрасные сыны и дочери Украины, началась!» И нашлось достаточно быдла, и устраиваются съезды и делаются доклады, и есть даже «Головной Стол», — архитекторы всего этого дела!

Вот ведь как. И каждый революционер считает себя вправе распоряжаться мыслью, жизнью, имуществом и достоинством любого человека. Совершенно зря «политических» выделяют в какую-то особую группу, — сознание революционера ничем не отличается от сознания простого уголовника. Марат: «Человек, (он умалчивает о том, какой смысл он вкладывает в это слово), имеет право присваивать себе все, что ему требуется для жизни, для содержания себя и счастья... Человек имеет право вырвать у другого не только излишек, но и необходимое... Человек имеет право резать другого и пожрать его трепещущее тело...» Это проповедует виднейший вождь революции. И на такие сатанинские призывы идут миллионы людей! Как же с этим Маратом умещает Солженицын сьюю духовную революцию? Непотребно злодейство и нравственное возрождение обозначить одним и тем же словом.

Эту приемлемость любого средства для достижения цели, характерную для всякого революционного сознания, подтверждает и современный революционер Р. Медведев: «Великие цели социалистической революции оправдывают применение насилия». О ЧК: «Они были субъективно честны». Как и убийства из за угла городских.

Солженицын: «Кто внимательно почитает Маркса, тот найдет совершенно ленинские формулировки и ленинскую тактику и непрерывные призывы к террору, насилию, к власти, захваченной силой». А если бы революция отказалась от насилия, она обратилась бы в буддизм, то же отрицание жизни. Так что буддизм можно считать прототипом революции. Но мы — славим жизнь; нам не нужно равенство и слияние, ведущие к смерти. Мы славим общность без слияния и поглощения, на основе общей иерархии ценностей. Во главе же этих ценностей

стоят: Бог и Царь. Наиболее закономерный, наиболее достойный, наиболее готовый к возглавлению человеческих взаимоотношений.

Возьмите для примера бредовое дело Мэнсона и США: главарь приказывает, а его шайка планомерно, систематически и самым зверским образом совершает массовые убийства. Главарь — маниак; психика членов шайки совершенно разрушена, подавлена, не работает. Революция и заключается в том, что вот такие звери-мэнсоны или мартовы, с помощью своей шайки, путем обмана, насилия и уловок, захватывают власть в государстве, когда противная сторона теряет волю к сопротивлению. И нация оказывается в руках нечеловека. Никаких иных понятий о революции, вроде «культурная», «народная», «духовная» и прочие — нет; все эти понятия — лишь то же порочное сознание, неспособность обнять предмет, или те же уловки революционного ума. Суть тут не в количестве, а в качестве: не в том, насколько человек увяз в революционном болоте, а в том, куда он пошел. Революция — оселок, на котором испытывается каждый человек и каждое действие человека; и революция — страшная тряпина, которая может занять даже и великого человека.

Революционеры начинают с того, что среди прочих свобод провозглашают свободу совести. Формально это означает свободу верить или не верить в любого Бога. В действительности же это означает отвержение общепринятых, тысячелетиями выработанных понятий о совести и замену их новыми, то есть свободой от совести. Это вскоре же проявляется на деле: захватив власть, революционеры поднимают бешеную борьбу с идеей Бога и с вытекающими из нее нормами морали. Так появляется ЧК. Но и на этом дело не останавливается: ведь всякая борьба ведется во имя чего-то, какого-то конечного идеала, даже в форме самозащиты. И вот, мы видим там и там откровенные признания революционеров в поклонении Сатане. Истинный бог революции появляется открыто.

Бердяев: «Против моей свободной совести я никогда и ничего не приму, не приму даже и Самого Бога, ибо Бог не может быть насильем надо мной». Обратите внимание: **моей** совести, а не совести мира. От этой совести до новой морали Ленина — только один шаг. Свою совесть Бердяев ставит поверх не только опыта всех предыдущих поколений, но даже поверх Бога. Дальше он отвергает и авторитет Церкви и Вселенских соборов и епископов и вообще всего, что создала Церковь. Дух какого-то все-

общего отрицания и поношения под видом нового, улучшенного христианства. Антихрист.

Единосудная свобода есть произвол, есть презрение к другим. Презрение к другим не есть свобода, а поклонение злу. Свобода духа достигается лишь в добром общении со всеми людьми, в любви. Про жизнь в США страшно читать: самые невероятные, бессмысленные преступления, самые гнусные извращения, узаконяемые даже Церковью, самый очевидный распад народной души. «Вчера в Лонгдэйле арестован 13-летний мальчик, которого подозревают в устройстве железнодорожной катастрофы... В Вентуре два мальчика задержаны по обвинению в убийстве, (тоже железнодорожная катастрофа)... В Лонг Биче четверо подростков, проезжая на машине, мимо хай-скул, открыли по ней стрельбу... Полиция Лос Анжелеса охотится за двумя членами знаменитой шайки тинейджеров, убивших...» и т. д. Это только из одной заметки. Вот — атмосфера и акты революции. Эти мальчики не сами, конечно, пришли в такое состояние, а безобразничали под воздействием всего окружающего: атмосферу создали радио, телевизия, пресса, наркотики, создатели мод, революционные организации.

В своих рассуждениях о революции мы забываем об арифметике. Ведь каждый из нас имеет какой-то процент подлости; ну, скажем, один процент. Соберите нас сто человек, — и вот уже стоит перед нами один стопроцентный подлец, способный на что угодно. А еще хуже и еще опаснее **потенциальный** подлец, укрытая слабость и возможность, унасть. Не подвернись случай, и человек всю жизнь проживает честно; а скатился с горы, случай, — даже неожиданно для самого себя человек стал подлецом. На этом и строятся все успехи пропаганды. Потом человек и сам не понимает, как он мог сменить Николая II на Ленина. Когда эти проценты начинают повышаться, целый народ валит в бездну.

Характерный разговор происходит в «Августе четырнадцатого»: Доктор: «Надо работать. России нужны работники, делатели». Юрист, (самые беспардонные болтуны): «Как не стыдно! Еще эту гнусность достраивать! Ломать ее нужно без сожаления! Открывать дорогу к свету!» — Ну, вот, открыли эту дорожку. От нации остались кровь и обломки.

Революция отвергает Бога и разрушает религию, разрушает личность, семью общество, государство. Взаимную благожелательность заменяет ненавистью. Разрушает нацию, производство, экономику, международные отношения. Разрушает мораль, понятия о чести и достоинстве, стремление к чистоте нравственной и телесной, общественные связи и идеалы, организации и лидеров, дворцы, храмы и сокровища культуры, традиции и воспоминания, стремление к труду, индивиду-

альность и независимость, здоровое сознание и чувство меры. Уродует искусство, презирает красоту. Коверкает все представления человека о жизни, правду заменяет ложью, любовь — злобой, милосердие — формальностью, закон — декретом, справедливость — диалектикой, государственную власть — шайкой разбойников. И на фоне всего этого заставляет людей улыбаться.

Контрреволюция всегда делает ставку на лучших, — независимо от того, удастся это ей или не удастся. Революция всегда ставит на подлеца, на разбойника, на убийцу. Анализы всякой революции переполнены таким отродьем. Как же решаются апологеты революции возглашать о высоких идеалах революции? Объяснение простое: они и сами — то же отродье.

Иногда, как это бывает, например, в государственных революциях, эта темная стихия принимает некоторые организованные формы. Это бывает, когда определенные люди берут стихию себе на вооружение. В таких случаях революция обретает особый вид: **организованного преступления**. Наиболее выпуклыми примерами такой организованной преступности являются Лубянка и погром Николаевска на Амуре Тряпицыным; но сюда же относятся все лобби и вообще шайки, идущие под названием политических партий.

В своей борьбе с жизнью революция мобилизует все самое низкое, что существует в душе человека: ложь, злобу, зависть, глупость, жадность лицемерие, бесчувственность, самоуверенность. Во что обратила революция русский несравненный язык? Доходит до анекдота: американские либералки, в своем стремлении к «раскрепощению», отменили слово «вуман», потому что в нем есть частица «ман», мужчина, и заменили словом «вуперсон». Искореняется все нормальное, естественное и заменяется извращениями. Искореняется молитва и понятие о тайне и таинстве. Стираются все грани и отличия, все нормы и категории, все пути к оформлению и возвеличению жизни. Человек низводится до скота, амобы. Чем занялась революционная армия, когда заняла столицу Камбоджи? **Она стала громить квартиры, выбрасывать мебель, телевизоры, радио, рефрижераторы и прочее на улицу и ломать это на куски**. Обратите внимание: не грабить, а ломать.

Люди как-то не умеют обобщать или извлекать квадратный корень из всего происходящего, находить его основание. Совершенных людей на свете нет, у каждого есть свои пороки. Но революция начинается не здесь; она начинается тогда, когда человек начинает свои пороки навязывать окружающему миру. Каждый революционер считает себя самым мудрым и праведным из людей. Если бы он на этом остановился и на основании своей мудрости устранял бы только свою личную жизнь, никакой бы беды не бы-

псачи разрешено теперь о мятеже писать, дает основание полагать, что за эти два месяца спасшиеся моряки уже покинули Швецию.

Герой первого опубликованного произведения Александра Исаевича Солженицына находился в концлагере Экибастуз. Этот лагерь правдиво описан в этой книге, которая составила эпоху в истории нашей многострадальной литературы и сразу прославила своего автора.

По отбытии 4-х лет заключения в московской «шарашке», описанной в «В круге первом» Солженицын совместно с Дмитрием Михайловичем Паниным (Сологдиным по роману) были отправлены этапом в Экибастуз на северо-востоке Казахстана, который описан, как место пребывания Ивана Денисовича и его товарищей по заключению. В ту пору в пятидесятых годах там возводились первые здания, а заключенные жили в палатках и хворали по баракам. Но в этом месте начиналась добыча каменного угля, который залегает не в глубине, а почти на самой поверхности.

«Известия» от 30-го января сего года на 1-ой странице дает снимок экскаваторов, которыми производится добыча этого «самого дешевого угля в СССР».

На карьере «Богатырь» работает экскаватор, изготовленный на Ново-Краматорском заводе на Украине. Экскаватор врезывается в прилегающий к поверхности каменноугольный пласт и добывает за час 5 000 тонн каменного угля прекрасного качества.

Но уголь не будут отсюда увозить.

Здесь будет комплекс электростанций, работающих на местном угле. Энергия будет обслуживать ряд городов и новых предприятий на пространстве 2 500 километров.

В декабрьском номере «Журнала московской патриархии», полученном лишь 12 го февраля в Риме, сообщается о кончине старейшего и, возможно, самого достойного иерарха, несомненного исповедника, биографию которого узнаем впервые из его некролога.

4 го сентября скончался в далекой Алма-Ате митрополит Иосиф Алма-Атинский и Казахстанский (в миру Иван Михайлович Чернов). Он родился 15-го июня 1893 года в Могилеве, где отец его был фельдфебелем полка. Потеряв мать в возрасте трех лет, Ваня вырос в казарме, где отец имел отдельную квартиру. Мальчик с 4-х лет отличался набожностью и не пропускал богослужений.

Отец определил подростка на службу в винный магазин разливать по бутылкам вино и мыть посуду. 16-ти лет он поступил послушником в монастырь, где его оценил и полюбил архимандрит Арсений (Смоленец), который стал викарием Владикавказской епархии с пребыванием в Пятигорске, где я сам подростком летом бывал на его служениях. В последующие годы он сопровождал епископа, которого перевели в Тверь, затем в Таганрог и Ростов. В Твери владыка в 1912 г. хиротонисал его иподиаконом, а в Таганроге в 1918 году постриг с именем Иосифа. В 1920 году он стал в Таганроге же иеромонахом, в 1922 году — игуменом, в 1927 году — архимандритом;

в ноябре 1932 года по указу митрополита Сергея Иосиф хиротонисан своим духовным наставником Арсением с другими епископами во епископа Таганрогского, викария Ростовской епархии. Но затем в официальном некрологе пробыл в 24 года. Несомненно, что эти годы епископ Иосиф провел в тюрьмах, концлагерях и ссылках.

Только после 20-го съезда партии выпущенный на свободу где то в Средней Азии 63-летний епископ Иосиф назначен епископом Петропавловским, викарием Алма-Атинской епархии. Через два года он возведен в архиепископы со странным титулом «Петропавловского и Кустанайского».

Лишь осенью 1960 года 67-летний архиепископ, наконец, был назначен из своего далекого Петропавловска в столицу Казахстана Алма-Ату. Через три года ему пожалованы высокие награды: крест на клоук и орден св. Владимира первой степени. Наконец в 1968 году он возведен в митрополиты. Но у меня впечатление, что его не вызывали никогда в Москву и власти не выпускали его из своей епархии.

Однако пришлось митрополита пригласить на выборы нового патриарха. Его появление в столице произвело огромное впечатление: там среди карьеристов типа Пимена, Никодима, Серафима Крутицкого не привыкли видеть исповедников.

Мне передавали католические гости, приглашенные на этот собор, что многие представители с мест высказывали между собой пожелание выбрать этого старца патриархом. Это разозлило Куро-

дова, который заявил, что его арестуют и вышлют еще до выборов. Если собор хочет пользоваться впредь милостями безбожной власти, то надо единогласно выбирать Пимена, что и было сделано. Будь малейшая свобода на этом соборе, церковь возглавлял бы тогда еще бодрый Иосиф, который после собора навсегда покинул столицу.

В 1972 году в связи с небывалым случаем в советскую пору сорокалетнего архирейского служения (долгие годы которого прошли в заключении и изгнании) Пимен даровал ему право ношения двух пананий и служения при открытых Царских Вратах до «Отче наш».

Ослабевший Владыка служил последний раз Всенощную под Успенне, причём, сопровождая плащаницу вокруг собора и опираясь на иподиаконов, сказал: «вот и мое вскоре наступит успешнее», после чего прожил еще неделю.

Особенностью его службы была молитва у жертвенника с поминовением всех православных, лишенных церковного погребения, младенцев, не удостоенных святого крещения, и всех, не могущих посещать литургическую службу. Незадолго до смерти он говорил: «Когда человек передо мной, на лице его написано, кто он. Не боюсь никакого вопроса ни от кого».

Хоронить Владыку прибыл из соседнего Ташкента архиепископ Варфоломей (Гондаровский) на 34 года моложе почившего. Похоронен Владыка на городском кладбище Алма-Аты рядом с могилкой сосланного и скончавшегося в 1955 году митрополита Николая Могилевского. АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

О. НИКИТИН ОКНО В РОССИЮ

ПРОВАЛ ДЕВЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ

В опубликованном в начале февраля сообщении Центрального Статистического Управления говорится, что план 1975 года, «успешно выполнен» и достигнуты основные социально-экономические задачи пятилетки.

Надо отметить, что когда сводка ЦСУ говорит об «успешном выполнении», то имеются в виду не первоначальные показатели пятилетнего плана на 1975 год и на пятилетку в целом, а так называемые «уточненные», или, попросту говоря, заниженные задним числом показатели. В этом можно легко убедиться, если взять книгу «Государственный пятилетний план развития народного хозяйства СССР на 1971-1975 годы» и сравнить ее с отчетом ЦСУ.

Прежде всего, катастрофический неудачей отрицательно сказался на показателях роста национального дохода — прирост в прошлом году составил только четыре процента, как и в 1972 году, когда неудачей также тяжело ударил по всем показателям развития народного хозяйства. Стоит вспомнить, что первоначальный план предусматривал на 1975 год прирост национального дохода не 4, а 7,4 %.

Кроме того, не достигнуты даже и исправленные показатели роста реальных доходов на душу населения, оплаты труда колхозников, розничного товарооборота. Зато показатели роста промышленного производства выглядят довольно неплохо.

Чтобы не утомлять читателей цифрами, приведем только один характерный пример. (Цифры мы будем давать с небольшим округлением).

Возьмем продукцию промышленности. По плану за 5 лет прирост должен был составить 47 %. Фактически — 43, — отставание не такое большое. Однако за счет чего же были достигнуты эти темпы роста? Вот ответ: производство предметов потребления выросло лишь на 33%, при плане в 49. Зато выпуск средств производства, хотя и не достиг первоначальных плановых заданий, но выглядит все же вполне удовлетворительно.

Таким образом, итоги девятой пятилетки продемонстрировали отказ советского руководства от намерения ускорить развитие легкой промышленности, хотя по первоначальному замыслу, преимущественный рост производства потребительских товаров по сравнению с

выпуском средств производства был главной особенностью плана на 1971-1975 годы. Показатели, намеченные на 1976 год, подтверждают, что советское руководство и в будущем намерено жертвовать интересами потребителей в пользу тяжелой промышленности.

Девятая пятилетка также показала чрезвычайную неустойчивость сельского хозяйства, которое оказалось совершенно неспособным противостоять капризам погоды. Неудачи сельского хозяйства, в свою очередь, тяжело отражаются на показателях народного хозяйства в целом, причем в такой степени, что вся экономика оказывается зависимой от погоды.

В ГОРУ ИЛИ ПОД ГОРУ?

То и дело из Советского Союза поступают сведения о перемещениях, назначениях и снятии с постов партийных и советских аппаратчиков. Партийные органы на местах готовятся к предстоящему XXV-му съезду КПСС. Но дело не только в этом. Нынешняя перетасовка партаппарата происходит не только в преддверии съезда, но и после закончившейся экономическим провалом девятой пятилетки. Комбинация этих двух факторов и порождает ту необычную интенсивность, с которой в последнее время тасуется партийной номенклатурная колода. В конце января состоялся пленум Московского горкома партии. По итогам его работы «Московская правда», не входя в детали, сообщила, что секретарь и член бюро Московского горкома партии Ягодкин «освобожден» от своих обязанностей «в связи с переходом на другую работу». Что кроется за этим решением?

Как это чаще всего и случается, московская газета умудрилась что-то сказать, ничего при этом не рассказав. Не «фигура умолчания», правда, но привычная «фигура умалчивания». И москвичи, вместо того, чтобы узнать, должны угадать: уйдет Ягодкин со столичной партийной сцены вверх или скатится вниз?

В общем-то, вопрос этот и не был бы уж столь существенным, если бы Ягодкин за время работы в Московском горкоме не снискал себе весьма определенную репутацию в кругах столичной интеллигенции. Кто же он такой?

До того, как возглавить идеологическую работу в Москве Владимир Нико-

лаевич Ягодкин, кандидат экономических наук, преподавал в Московском университете. Здесь же и начался его партийная карьера. Он становится секретарем университетской парторганизации, а затем, в марте 1971-го года, его назначают секретарем Московского горкома партии. Не проходит и месяца — Ягодкин избирается кандидатом в члены ЦК КПСС.

Таким образом, он был типичным молодым партвыдвиженцем на взлете. Кстати, его пример является очевидным подтверждением того, что надежды на либерализацию в стране после того, как к власти придут молодые партчиновники, которые сменят дряхлеющее нынешнее руководство, чей деловой стиль формировался еще при Сталине, окажутся вполне тщетными. Дело в том, что Ягодкин, а он сравнительно молод и, как мы видели, не без образования, проявил себя как жестокий и догматичный, в худшем смысле этого слова, администратор.

В июне 1973-го года Владимир Ягодкин выступил в Институте истории Академии Наук СССР перед участниками симпозиума «Об идеологической борьбе в исторической науке». В своем докладе он заявил буквально следующее: одна из самых опасных форм идеологической диверсии «состоит в отрицании того, что все, я подчеркиваю, — продолжал Ягодкин, — все этапы развития нашего общества должны рассматриваться как положительные». Вывод напрашивается — если все, то и период сталинизма — он тоже положительный. А чтобы у присутствующих на симпозиуме не оставалось уже никаких сомнений в том, что он имел в виду Ягодкин в сталинско-ждановском духе отметил, что особенно опасны, «ядовитые семена эволюция и аполитичности», нарушения «идеологической дисциплины» — именно в среде интеллигенции.

Идеологическая позиция Ягодкина легко прослеживается и по его выступлениям в печати. В июле 1972-го года он опубликовал в журнале «Коммунист» статью «Научная жизнь в партийных коллективах». К чему же он зовет ученых страны? Естественно, к новым успехам, а в чем залог этих успехов? Ягодкин отвечал и на этот вопрос: в усилении роли партийной организации в научных учреждениях, а также и в развитии социалистического соревнования...

Но Ягодкин не только выступал и писал в партийной печати, он и действовал в полном соответствии с теми взглядами, которые создали ему славу ортодоксального революционера. Под его руководством был разгромлен и разогнан преподавательский коллектив 2-й моско-

вской специализированной физико-математической школы. И прекратило свое существование учебное заведение, куда стекалась способнейшая молодежь со всей Москвы. А причина была в том, что один из педагогов уехал на Запад.

То, что разгром специализированной школы нанес в перспективе тяжкий ущерб советской науке Ягодкина, беспокоило мало.

Можно думать, что в какой-то момент своего пребывания в Московском горкоме Ягодкин стал, так сказать, замешиваться не по чину. Например, 24-го февраля 1974 года «Правда» сообщила о выходе очередного номера журнала «Коммунист», в котором, в частности, должна была быть и статья Ягодкина «Развитие марксистско-ленинской теории и идеологическая работа». Между тем, эта статья так никогда опубликована и не была. Весь тираж третьего номера «Коммуниста» за 1974 год пошел под нож, а когда журнал был с опозданием доставлен подписчикам, там, и впрямь, была статья Ягодкина, но совершенно под другим заголовком «Некоторые вопросы идеологической работы в современных условиях». В самом деле, кто такой Ягодкин, чтобы развивать марксистско-ленинскую теорию? А вот «некоторые вопросы идеологической работы» — как раз будет по чину.

Когда 15-го сентября того же года бульдозеры крушили выставку независимых художников на Профсоюзной улице в Москве, многие и в столице, и за рубежом связывали этот скандал с именем Ягодкина, хотя формально пострадал за этот апофеоз художественной критики первый секретарь Черемушкинского райкома партии Чаплин.

Итак, где в следующий раз мы встретимся с Владимиром Ягодкиным? Поищет он в гору или под гору? Не будем гадать, хотя сообщение в советской прессе о снятии с должности, если оно не сопровождается указанием о новом назначении, скорее всего, свидетельствует о конце партийной карьеры. В этом случае Ягодкин разделит судьбу Шелепина, с которым его роднит и политическая ортодоксальность, и энергичный карьеризм. Ну, а если все же пойдет Ягодкин вверх, тогда это может свидетельствовать об ожесточении идеологической линии в стране.

ПСИХОПАЛАЧ МОРОЗОВ

Недавно отдел иностранного вещания московского радио передал по-французски, а затем и по-английски интервью, которое взяло агентство печати «Новости» у директора московского Института судебной психиатрии имени Сербско-

ло, кроме его личной; но революционер весь мир хочет переделать по своему желанию, и наступает всеобщая беда, приходит революция. Потому что в действительности он — никакой не мудрец, а скудоум и пустой фигляр.

Надо хорошо понять, к чему ведет это революционное выделение себя из общего братства: человек становится одинок, а потому и вполне бессмыслен и беспомощен и ищет поддержки. Сатана протягивает ему руку. Человек теряет и желание и способность творить, раздражается и идет в обратную сторону — на разрушение. Выделив себя из братства, он теряет и чувство ответственности, то есть совесть, и это еще больше развязывает ему руки. Творческий процесс возможен только при общении с другими, при использовании опыта других и при творчестве для других. Иначе для кого же бы творил человек? Творческому процессу соответствует единство, а не разделение. Творить только для себя может лишь Бог — или амeba. Но ведь и амeba и плодится и использует опыт предыдущих поколений.

В чем заключается основная ложь социализма и революции? В том, что, отодвигая в сторону реальность — нравственное несовершенство человека — они путем простых механических манипуляций обещают создать фикцию — совершенное общество из порочного материала. Чтоб провести такой обман, они и кричат о свободе, равенстве и братстве и прочих таких вещах. Лик Антихриста виден тут совершенно явственно, так как Христос зовет прежде всего к нравственному совершенству.

Есть звонкое выражение: «революционная совесть». Совесть вне религии — бессмыслица, ее не на что опереть, нечем объяснить. Совесть — это ответственность. Ответственность перед кем, если нет Бога? Перед самим собой?

Опять бессмыслица: самого себя революционер объявляет совершенно свободным. Перед человечеством? Но человечество — только сумма таких же «я», тоже совершенно свободных. Значит, революционная совесть возникает на основе какой-то религии. Бога революционеры отвергают в первую голову. Он связывает им руки. Значит, они поклоняются кому-то другому. Иногда совершенно открыто они заявляют, что главой своей считают Сатану.

Еще противоречие. Отвергая Бога, революционеры отвергают и всякую тайну. Тогда почему же, хотя бы теоретически, или хотя бы только в отношении своих товарищей они считают нужным соблюдать данное слово? Ведь слово — встер, сказано — и нет ничего. Что же заставляет его сдерживать? Какая-то святость, какая-то тайная сила, заключенная в этом слове, или сила, стоящая за этим словом. И революционер будет готов выполнить завет революционера-отца, деда, даже постороннего знаменитого революционера, не замечая тут никакой тайны.

Но вот, прадеды наши триста лет тому назад дали торжественное слово — клятву за себя и за нас быть верными Дому Романовых и честно служить царю и родине; и даже наперед прокляты и всех тех, кто отступит от данного ими слова. А революционеры наплевали на эту клятву. Что-ж теперь удивляться тому, что в результате получились?..

Революционеры вопят: «Николай Кровавый!» «Деспот!» «Режим на штыках!» Истина ведь познается на опыте, люди познаются по делам их. Кто слышал, чтобы при царе Николае II варили людей в котлах? Революционеры это делали, — смотрите книгу о М. Польского.

Кто слышал, чтобы при Николае II, как в ветхне времена, распинали на кре-

стах? Революционеры это делали, смотрите там же.

Кто слышал, чтобы при Николае II с живого человека сдирали кожу, забивали гвозди в плечи, и под ногти, закапывали живьем, выкалывали глаза, вырезали щеки, нос и уши, сажали на кол, замораживали в ледяную глыбу? Все это революционеры делали.

А кто слышал о массовых казнях при царе или о выселении целых народов. Были «ленские события» и «9-е января», — бунт и провокация на бунт. Такие события сейчас происходят по всему свету то и дело.

Нам скажут: «Так ведь это — большевики! Вот у нас...»

Ложь. Большевики отличаются от меньшевиков и прочих только объемом действий, а не качеством. Разве не эсеры ввели в политику террор? Разве не они убивали ни в чем неповинных людей? Все это делалось под флагом революции, все это делали революционеры, а какую кличку прицепить преступнику в минуту совершения преступления, не ответит даже и сам преступник.

Может ли существовать мораль вне Бога? Посмотрим.

Что такое мораль? Веления совести. Что такое совесть? Ответственность перед кем-то за свои действия. Перед кем? Перед самим собой? Я уже отметил, что это — абсурд: отвечать можно только кому-то другому, а не самому себе. Сам себе ты равноценен и лишен противоречий; сам в себе ты имеешь только волю и желание и не несешь за них ответственности. Кому же тогда ты отвечаешь?

Может быть ближнему, человечеству? Ближний тоже равноценен тебе, а человечество — лишь количественное, а не качественное «я», столь же несовершенное, как и ты сам. Отвечать можно только кому-то беспорочному, совер-

шеннейшему, кто стоит и над тобой и над человечеством. И невозможно эту ответственность изложить в каком-то числе статей и параграфов, она лежит пред нами в виде неписаного нравственного закона, заложенного в самой глубине нашей души, таинственного и трудно-уловимого, потому что он ведет к Идеалу. А Идеал человеку непостижим.

Фанатик-революционер Ленин это не объятное и таинственное явление свел к пошлой ответственности перед «партией», — кучкой косных, бесчестных разбейников; фактически — пред их главарем, самим собой. Свой произвол он поставил на место закона. Ему нужна была полная развязанность и полная бесценность всего окружающего, чтоб проводить свои бредовые идеи. Чтоб свободно действовать в мире, ему нужен был первозданный хаос, а на место закона он воздвиг чрезвычайку.

Только недалекие люди могут считать, что большевизм, это какая-то политическая доктрина. Большевизм — нравственное уродство, порок души, а не политическая мысль. Главным его положением является то, что он допускает положительно все средства для достижения цели. Поэтому большевизм можно встретить не только среди коммунистов, но и среди эс-эров, меньшевиков, демократов, монархистов, незуитов и вообще людей, начисто лишенных совести. Солженицын говорит о нравственной революции. Всякая физическая революция создается на нравственной основе, — на разложении нравственности. Революция всегда идет рядом с духовным разпутством и при здоровом сознании она просто невозможна. Отвергая нравственность, революция объявляет ее созданием природы; то есть слепую, естественную силу объявляет способной создавать наивысшие, сверхъестественные ценности. Абсурд очевиден.

П. ПАНИН

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

З. А. ШАХОВСКОЙ

Многоуважаемая Зинаида Алексеевна, Ваш адвокат сообщает, что Вы меня привлекаете к суду за диффамацию, по поводу моей статьи о смерти Е. В. Титовой.

Согласитесь, подобная форма полемики между русскими журналистами Зарубежья не отличается элегантностью, да и не способствует выяснению истины.

Поскольку у Вас в руках большая газета, Вам бы легко было разоблачить ложь или ошибки, коль скоро я таковые допустил. А если уж Вы считаете, что нанесен урон Вашей чести, вопрос бы можно обсудить в рамках той или иной эмигрантской организации (например, Союза Писателей и Журналистов, где мы оба состоим). Не лучше ли обсуждать русские дела перед русскими, способными в них разобраться, а не перед французами, которым трудно в них что-нибудь понять?

Кроме того, французский суд представляет еще два неудобства: 1) он требует значительных издержек; и это сразу создает неравенство сил в Вашу пользу; 2) забитости и запуганности русских эмигрантов, мало кто из них осмелится выступить со свидетельством перед иностранными властями.

Желательно, по меньшей мере, чтобы Вы предали гласности свою установку: в чем Вы усматриваете диффамацию? В моей статье я лишь воспроизвел рассказ Е. В. Титовой, согласно которому Вы ее сначала обещали взять корректором в «Русскую Мысль», а потом передумали и ей отказали. Она могла в чем-то путать или преувеличивать; хотя мне в это не верится: ее слова дышали полной искренностью.

Где же тут клевета? Никто не оспаривает Вашего права, — и даже необходимости для Вас, — выбрать себе служащих, какие Вам нравятся и подходят. Для Титовой тут был вопрос жизни и смерти; но Вы над этим вероятно не задумывались; да и не обязаны были задумываться; или же такие мысли на Ваше решение не повлияли. Разумеется, у Вас не было сознательного намерения ее довести до самоубийства, это последнее для Вас явилось неожиданностью. Или Вас обижает упоминание, что, по слухам, Вы отрицательно отзывались о Титовой и ее муже? Но здесь ничего Вас компрометирующего и в помине нет! Почему бы Вам было не выразить свою на них точку зрения?!

Или Вы станете утверждать, что Титова к Вам вообще не обращалась, прося места? Либо, что Вы о ней всегда отзывались с похвалой и с симпатией?

Если же спор идет исключительно о том, был ли Ваш отказ единственной причиной смерти Е. В. Титовой, то я охотно готов признать, что нет. Хотя остаюсь убежден, что, получи она работу по специальности и хоть какой регулярный заработок, — Елена Васильевна рину бы на себя не наложила.

Хочу еще одну деталь отметить, которая Вас, наверное, порадует: Е. В. Титова Вас никогда не бранила и не осуждала. Она только у меня спрашивала, не раз:

— Как Вы думаете, почему Шаховская так со мной поступила?

Я на это смущенно молчал. Простите за откровенность, княгиня: мне было стыдно за Вас.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

го профессора Г. В. Морозова. Это интервью представляет собой попытку как-то обелить ставшую уже известной всему миру практику заточения подсоветских инакомыслящих в сумасшедшие дома.

Директор института имени Сербского информирует иностранных радиослушателей о том, что принудительная психогоспитализация в СССР бывает двух сортов. В первом случае, как сообщает профессор Морозов: «Сам пациент и его родственники понимают справедливость и необходимость этой меры». Непонятно, правда, почему же тогда она называется принудительной. К сожалению, однако, такое единодушие имеет место далеко не всегда. Морозов продолжает:

«Иное положение вещей складывается в тех случаях, когда... госпитализация назначается по решению суда, основанному на данных судебно-психиатрической экспертизы. Советские психиатры, точно также, как их коллеги во многих странах, время от времени сталкиваются в своей деятельности с известным рода трудностями. Входя в конфликт с обществом, пациенты часто не подозревают, что совершенные ими социально опасные действия вызваны состоянием аффекта из-за болезни. Тут возникает парадоксальная ситуация. Закон защищает интересы психических больных и освобождает их от ответственности за их действия, но они считают госпитализацию нарушением их гражданских прав.

Кроме того, такую позицию занимают не только некоторые больные, но и их родственники. Неспешлисту трудно поверить, что мужчина или женщина, которые не склонны к насилию, не бьются головой о стену, тем не менее могут быть душевнобольными. Такие психологические факторы эксплуатируются западной прессой, которая основывает свои обвинения не на объективных данных или мнении психиатров, а на заявлениях лиц, которые не имеют ничего общего с медициной».

Очевидно, профессор Морозов, в первую очередь, имеет в виду не только родственников и друзей заключенных спецпсихбольниц, служащих так или иначе информаторами для западной прессы, но и самих бывших узников психбольниц, которые эмигрировали на Запад. Эти последние, (а их, по крайней мере, можно насчитать не менее десяти) явно могли бы с Георгием Васильевичем Морозовым поспорить. Во всяком слу-

чае, неизвестно, чтобы кто-либо из них на Западе попал в психиатрическую больницу, что было бы вполне естественно, если бы проблемы советских психиатров и впрямь походили на те, с какими, по утверждению Морозова, «сталкиваются... их коллеги во многих странах», то-есть, если бы эти люди были действительно больны, как бы то ни было, психиатры в западных странах едва ли сталкиваются с обвинениями в том, что они используют свою науку в целях дискредитации и изоляции инакомыслящих. А вот профессору Морозову приходится защищать руководимый им институт от подобных нападок.

Что касается практики Института имени Сербского, то для характеристики данного учреждения обратимся лишь к одному самиздатскому документу, одному из многих. Мы имеем в виду письмо Инициативной группы по защите прав Человека в СССР в Комитет прав Человека ООН в связи с арестом генерала Петра Григорьевича Григоренко. О его судьбе с горькой иронией сообщал один подсоветский физик. Он писал:

«...Вскоре после ареста выяснилось, что генерал Григоренко был сумасшедшим. В этом нет ничего удивительного: не раз уже бывало, что люди, сойдя с ума, вдруг начинали клеветать на советский общественный и государственный строй, или же безудержно предаваться антисоветской агитации и пропаганде, что и вынуждало к применению соответствующих судебно-медицинских, а то и просто профилактических мер».

Но не менее драматична, нежели судьба самого Петра Григоренко, также и участь некоторых соавторов письма Инициативной группы в его защиту. Четверо из 15 членов Инициативной группы в разное время были арестованы и отбывали (или отбывают) наказание в концлагерях. Двое (Красин и Якир) были сосланы. А еще четверо были насильственно помещены в психиатрические больницы, причем трое из них (Владимир Борисов, Наталья Горбаневская и Леонид Плющ) — в больницы специального, то есть тюремного типа, и только к Юрию Мальцеву эта мера была применена в качестве профилактической. Кроме того, в свое время «психушкой» угрожали еще одному члену Инициативной группы — Григорию Подъяпольскому. Наталья Горбаневская, Юрий Мальцев и Леонид Плющ сейчас находятся за границей, и интервью профессора Морозова, рассчитанное, так сказать, на внешнее употребление как раз-то и должно, в силу режиссерского замысла, нейтрализовать личные свидетельства жертв советской психиатрии. Однако продолжим рассказ о судьбе лиц, присоеди-

нившихся к письму Инициативной группы в защиту генерала Григоренко.

Из 54 человек, подписавших это письмо, репрессиям подверглись 27, из них 8 (то есть, примерно, треть) прошли через психиатрические учреждения различного типа. Не многовато ли политсумасшедших? А это ведь только один пример.

С другой стороны, любопытна и роль самого профессора Георгия Васильевича Морозова в этой психиатрической сыстемке. Его имя в «Хронике текущих событий» встречается 11 раз в связи с политическими делами восьми человек, из которых пятеро были признаны невменяемыми, шестой (Жорес Медведев) попал в психбольницу вообще непонятно как, и только двоих институт имени Сербского счел здоровыми. Но и те лишь затем, чтобы они предстали перед судом и были осуждены за свои политические убеждения. Эти двое Владимир Буковский и Сергей Пирогов. И вот сейчас Морозов позирует у микрофона московского радио в качестве «объективного свидетеля».

Но если мы представим себе на минуту, что политическими особенностями советской психиатрии занялся бы, допустим, суд, то думается нам, что профессору Морозову на суде этом едва ли была бы отведена роль свидетеля. Можно быть уверенным, что сидел бы он на скамье подсудимых.

ИНОСТРАННЫХ ГАЗЕТ — НЕТ

21-го января ТАСС распространило заявление заместителя директора «Союзпечати» Евгения Прокофьева о том, что отныне советские люди смогут свободно покупать 18 американских и западноевропейских газет. И это в добавление к американской «Интернешнл Хералд Трибюн», французской «Ле Монд», английской «Таймс» и швейцарской «Нюйе Цюрихер Цайтунг», которые, по его утверждению, свободно продавались в Москве аж с 1968-го года. Это еще один пример готовности Советского Союза неукоснительно выполнять обязательства, зафиксированные в Заключительном Акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Хельсинки, — горделиво добавил Евгений Прокофьев.

Согласитесь, отрадная новость. Вот только действительности она не соответствует, о чем во всеоружии фактов свидетельствует московская корреспондентка шведской либеральной газеты «Дагенс Нюхетер» Диза Хастад. Вот несколько сокращенный перевод ее статьи, опубликованной несколько дней тому назад.

«Поскольку я никогда не видела упомянутых ТАСС-ом западных газет в

НАША СТРАНА

ОРГАН РУССКОЙ
МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
Издатель-Редактор
Т. В. ДУБРОВСКАЯ
Соредактор
Н. Л. КАЗАНЦЕВ

Статьи, подписанные фамилией или инициалами, не обязательно всегда полностью выражают мнение редакции. Редакция не отвечает за содержание публикуемых объявлений, сообщений и иных документов, исходящих от учреждений или частных лиц. Редакция не возвращает присланные ей материалы.

Телефон Редакции: 52-7426.

Требуется женщина для ведения хозяйства пожилой дамы и присматра за ней.

В скором будущем — возможность проживания в комнате со всеми удобствами.

Звонить вечером по телефону: 768-3339

ПОКУПАЮ РУССКИЕ ИКОНЫ, СЕРЕБРО, САМОВАРЫ, РУССКИЕ АНТИКВАРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ, СТАРИННУЮ МЕБЕЛЬ, КАРТИНЫ, РАЗНЫЕ КУСТАРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ И СТАРИННЫЕ МОНЕТЫ.

Звонить по телефону: 811-0116

московских киосках, я позвонила в «Союзпечать» и спросила, где можно купить «Ле Монд» и «Интернешнл Хералд Трибюн». С шестой попытки мне удалось связаться со служащим, который по крайней мере был в состоянии указать к кому из вышестоящих руководителей «Союзпечати» я должна обратиться с вопросом. Вышестоящий заявил, что эти две газеты поступают во все те киоски «Союзпечати», которые торгуют зарубежной периодикой. После столь оптимистической информации я не пожалела времени и обошла около пятнадцати киосков в центре Москвы, тех, где торгуют восточноевропейскими изданиями и где можно купить французскую, английскую и даже шведскую коммунистические газеты. Ни один из киоскеров в глаза не видел «Ле Монд» или «Интернешнл Хералд Трибюн», равно как и другие 18 западных газет, даже названий таких не слышал. Затем я отправилась в гостиницу «Интурист» и спросила «Ле Монд». Киоскерша справилась, живу ли я в этой гостинице. Я в свою очередь спросила, какое это имеет значение, коль скоро по утверждению ТАСС эта газета свободно продается в Москве.

Ишь чего захотели, — заметила симпатичная киоскерша. — Нет, так дело не делается. Администрация гостиницы сообщает нам, сколько в настоящее время проживает здесь французов, итальянцев или других каких иностранцев и по их пожеланиям мы берем для продажи нужное число газет, другим же не продаем. В гостинице «Метрополь» ответ был примерно тот же. В гостинице «Россия» западноевропейские и американские издания никогда в продажу не поступали. А в гостинице «Берлин» киоскерша оказалась великолепным дипломатом. Когда я попросила «Ле Монд» и «Интернешнл Хералд Трибюн», она ответила: «Сейчас нет, поступят позже». В том же духе отвечала она всякий раз, когда в последующие дни я приходила опять и опять — утром и вечером, в будни и выходные. Мое упорство было посрамлено, равно как и настойчивость, с какой я пыталась выяснить, сколько же экземпляров этих газет она получает. На этот вопрос киоскерша категорически отказывалась отвечать.

Как хотите, а в споре о том, выполняет ли Советский Союз принятые им на себя в Хельсинки обязательства по «распространению на своей территории газет и печатных изданий из других государств — участников», я склонен доверять свидетельству шведской журналистки более, чем торжественным заявлениям ТАСС.

О. НИКИТИН